

Т. Гребенщикова

Конструирование проблем в сфере лесных отношений как средство борьбы за власть (на основе дискурсивного анализа прессы)

Основу эмпирической базы исследования составляют интервью с различными агентами лесных отношений – малыми и средними предпринимателями, местными жителями, руководителями разных уровней власти и т.д. Данная статья основывается на анализе материалов иного рода, а именно, публикаций региональной прессы за 2004-2005 гг. Мы считаем, что анализ прессы является тем инструментом, который позволяет понять, как и кем формируются в обществе представления о различных проблемах, связанных с лесной сферой. Предметом нашего анализа были отношения власти и борьбы за власть между учреждениями и чиновниками регионального и федерального уровня, которые на дискурсивном уровне представлены в дебатах по поводу отношений в лесной сфере. В этой главе мы остановимся на нескольких темах, которые показались нам наиболее интересными с точки зрения возможности анализа этих отношений. В качестве таких тем мы выбрали дискуссии о новом Лесном кодексе, нелегальных рубках и борьбе с ними, а также о борьбе с лесными пожарами.

Критический дискурсивный анализ и социальные проблемы

В своей работе мы исходим из принципов критического дискурсивного анализа, не претендуя при этом на использование всей полноты его методик. Ключевой задачей критического дискурсивного анализа является понимание природы социальной власти и доминирования, и их воспроизводства¹². Социальная власть основывается на привилегированном доступе

¹² Teun A. van Dijk Principles of critical discourse analysis// DISCOURSE & SOCIETY, 1993, vol. 4(2): 249-283.

к социально значимым ресурсам. Доступ к определенным формам коммуникации, например публикациям в прессе, также является важным источником власти. Власть предполагает контроль одной группы над другими. Этот контроль включает в себя два уровня: действие и восприятие. Группа, обладающая властью, может ограничивать свободу действий других, а также оказывать влияние на их мнения. Кроме ресурсов, позволяющих напрямую контролировать действия других социальных групп, власть характеризуется способностью оказывать влияние на восприятие и действовать методами убеждения, утаивания и манипуляции с целью изменения чьих-то взглядов на определенную ситуацию в своих интересах. Одним из способов такой манипуляции является конструирование социальной проблемы.

В своем исследовании мы опирались на представления о социальной проблеме, характерные для традиции социального конструктивизма. В рамках этого подхода проблема рассматривается не как нечто существующее «объективно», задаваемое «объективными» внешними условиями, но как подвижный социальный конструкт, создаваемый заинтересованными группами. Основным способом конструирования проблемы выступает привлечение внимания к данной ситуации общества, а затем и официальных органов с целью изменения неудовлетворительных условий.

Не вдаваясь в перечисление многочисленных подходов к пониманию социальной проблемы, мы приведем здесь определение М. Спектора и Дж. Китсьюза как наиболее соответствующее целям нашего исследования. Следуя конструктивистскому подходу, указанные авторы рассматривают социальную проблему как «деятельность индивидов или групп, выражающих недовольство и выдвигающих утверждения требовательного характера относительно некоторых предполагаемых условий»¹³. Иными словами, предполагается, что есть социальные группы, которые недовольны некоторыми внешними условиями (или грядущими изменениями, как в случае нового ЛК) и пытаются их изменить. Один из способов сделать это – привлечь внимание к ситуации, которая постулируется как «проблематичная» при помощи средств массовой информации.

Рассматривая проблемы в лесной сфере как социальные конструкты, мы ставим задачей понять, кто и как представляет существующие усло-

¹³ Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности – II: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и ред. С.А. Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 161.

вия как проблемные, и какие интересы стоят за конструированием этих проблем. Нас также интересует связь между формулированием социальных проблем определенным образом и действиями, которые вытекают (или, предположительно, по замыслу авторов этих конструктов, должны вытекать) из таких формулировок.

Описание материалов прессы

В рамках проекта «Неформальная экономика лесопользования в Иркутской области: социальное измерение» материалом для анализа стали региональные издания «Восточно-Сибирская правда», «Аргументы и факты в Восточной Сибири». Для целей последующего проекта «Неформальная экономика лесопользования в Иркутской области: участники, практики, отношения» к ним были добавлены «Байкальские Вести» и «Коммерсант». Можно утверждать, что все эти издания придерживаются разной политической ориентации и представляют интересы различных социальных групп. «Восточно-Сибирская правда» – это издание, которое контролируется областной администрацией и корпорацией «Русал». «Коммерсант» претендует на публикацию аналитических материалов, ориентированных на бизнес-сообщество. «Аргументы и факты в Восточной Сибири» – издание, освещающее федеральные позиции. «Байкальские Вести» – постоянно «перекупаемое», но при этом претендующее на независимость издание.

Были отобраны все публикации этих изданий, так или иначе касающиеся лесотношений, за следующие периоды: январь – октябрь 2004 (начало работы над новым Лесным кодексом), и январь – июль 2005 (в этот период в Государственной Думе шла подготовка к рассмотрению проекта Лесного кодекса РФ, вносились поправки в проект).

В процессе анализа текстов нами был составлен список «экспертов», имеющих возможность представлять свое мнение в СМИ, а также рассмотрены представляемые ими в СМИ позиции. Были также выделены и систематизированы основные темы публикаций, связанных с лесной сферой. Были отобраны публикации по ряду наиболее значимых для исследования тем для последующего более детального изучения.

Используя метод дискурсивного анализа, мы пытались ответить на следующие вопросы:

- кто актуализирует в локальном публичном дискурсе проблемы, существующие в лесной сфере;

Конструирование проблем как средство борьбы за власть

- каким образом происходит конструирование этих проблем;
- какие дискурсивные стратегии используются для этого;
- какие социальные группы участвуют в дискуссии, и чьи интересы наиболее представлены в ней.

Эксперты

Несмотря на то, что для анализа были отобраны издания разной политической ориентации, оказалось, что возможность высказаться на их страницах по поводу лесных отношений получают далеко не все участники этих отношений. Анализ показал, что в качестве экспертов по интересующей нас теме выбранными изданиями привлекались:

- представители региональной властной элиты (губернатор Иркутской области, заместитель губернатора Иркутской области по лесному хозяйству и лесоперерабатывающей промышленности, депутаты Законодательного Собрания и Государственной Думы от Иркутской области),
- представители разного рода комитетов, созданных при областной администрации и призванных регулировать лесотнoшения (Комитета по лесному хозяйству администрации Иркутской области, Отдела лесозаготовительной и лесоперерабатывающей промышленности администрации Иркутской области, Комитета по собственности и экономической политике Законодательного собрания Иркутской области),
- представители крупного лесного бизнеса (Ассоциации лесозаготовителей и лесоэкспортеров Восточной Сибири, Союза лесопромышленников Иркутской области, Торгово-промышленной палаты Восточной Сибири, представителей корпорации Илим-Палп),
- представители федеральных структур, регулирующих лесотнoшения (Рослесхоза, Федерального агентства лесного хозяйства МПР России, Территориального агентства по лесному хозяйству Иркутской области).

В меньшем объеме представлены мнения:

- сотрудников местных администраций,

- сотрудников силовых структур (отдела по предупреждению и пресечению преступлений ЛПК ГУВД области),
- представителей академических кругов.

Можно констатировать, что региональные СМИ игнорируют мнения представителей мелкого и среднего бизнеса, представителей НКО (в том числе и экологических) и «простых» жителей области по поводу лесонарушений. Лесопользователи и лесоарендаторы (упоминаемые в проекте нового Лесного кодекса участники лесонарушений) также не имеют голоса в рассматриваемых СМИ, за исключением крупнейших предприятий отрасли.

Итак, «деятельность по выдвижению претензий, недовольства или требований изменения некоторых условий»¹⁴, т.е. по конструированию социальной проблемы вокруг лесной сферы, ведут в основном представители властной региональной элиты, федеральных структур и крупного бизнеса. Это в некоторой степени объясняет и представленность текстов о лесных отношениях в изученных изданиях: характерно, что именно «Восточно-Сибирская правда» – издание, выражающее точку зрения областной администрации и ориентированное на ее поддержку, – публикует больше всего материалов о лесе¹⁵. Такое положение дел на страницах СМИ заставляет предположить, что ситуация в лесной сфере больше всего затрагивает интересы региональной и федеральной власти.

Темы

Можно выделить несколько основных тем, вокруг которых ведутся дебаты, раскрывающие конфликт интересов региональной и федеральной властей¹⁶:

¹⁴ Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности – II: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и ред. С.А. Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 162.

¹⁵ За изученный период: «Байкальские Вести» – 7 статей, «Аргументы и факты в Восточной Сибири» – 16, «Коммерсант» – 24 и «Восточно-Сибирская правда» – 49 статей.

¹⁶ Среди других часто встречающихся тем можно назвать PR предприятий лесной промышленности, на котором мы практически не останавливались, а также некоторые другие темы, которые слабо структурированы и представлены, по сути, случайно.

1. Обсуждение нового Лесного кодекса.
2. Нелегальные рубки и борьба с ними.
3. Лесные пожары.

Остановимся подробнее на том, как представлены и как проблематизируются экспертами эти темы, обращая особое внимание на то, что можно прочесть «между строк».

Новый Лесной кодекс

Анализ объема публикаций по тем или иным аспектам ЛК, а также степень накала страстей показывают, что основными проблемными точками нового Лесного кодекса, по мнению экспертов, являются следующие: вопрос собственности на лес, лесные аукционы, обязанности по восстановлению леса и «удаление» местных властей из процесса распределения лесных ресурсов и контроля за ними. Два полюса в этой дискуссии представлены соответственно региональной и федеральной властями¹⁷. На основании позиций, которые занимают эксперты, выступающие по данной теме, их можно разделить на три основные группы: критикующие позицию федеральной власти, поддерживающие позицию федеральной власти и придерживающиеся нейтральной точки зрения.

Критика позиции федеральной власти

Эта группа экспертов критикует позицию федеральной власти, сочувствует интересам среднего бизнеса, которая, по их мнению, ослабляется новым ЛК и поддерживает позицию местных властей, явно или неявно солидаризируясь с ними. Средние лесопромышленники в их устах предстают в виде «слабых», временами «безответственных» и нуждающихся в опеке и контроле. Эти эксперты заинтересованы в сохранении существующей системы лесных отношений. Федеральная же власть предстает безответственной и агрессивной: она хочет забрать все себе, не заботясь ни о ком и ни о чем, кроме поступлений в федеральный бюджет. Основная проблема нового Лесного кодекса, по мнению этой группы экспертов, – отсутствие регионального звена в управлении лесом. Они критикуют аукционы, как эксцел-

¹⁷ Подробнее о позициях федеральной и местной власти в отношении нововведений ЛК см.: статья «Новый Лесной кодекс: меняющийся порядок?» в этом сборнике.

живный механизм распределения лесных ресурсов, поскольку из них полностью исключены региональные власти. По их мнению, лес без региональной экспертизы получают не те, кто «надежен» (предполагается, что о том, кто «надежнее» знают только «на местах» – в регионах), а те, кто «больше заплатит». Кроме того, введение института частной собственности на лес – преждевременное решение, поскольку «лесозаготовители не готовы заниматься лесовосстановлением» (их «неготовность» при этом часто постулируется, но почти никогда не подкрепляется аргументами и примерами).

Защита позиции федеральной власти

Позицию федеральных властей защищают, как и следовало ожидать, представители федеральных органов власти: сотрудники Федерального агентства лесного хозяйства МПР России и Территориального агентства по лесному хозяйству Иркутской области.

Они настаивают на том, что регионы должны принимать участие в работе комиссий, распределяющих лес на аукционах, распоряжаться бывшими лесами сельскохозяйственных предприятий, но иметь минимальные полномочия – и лишь для того, чтобы выполнять технические функции в области лесопользования (например, тушить лесные пожары). Основные же полномочия по управлению, распоряжению и контролю в сфере лесопользования должны быть в компетенции федеральных органов власти.

В «группу поддержки» федеральной позиции в вопросах разработки нового ЛК входят также *«ведущие эксперты лесного дела»* – представители московских лесных ВУЗов. Основной пафос их выступлений состоит в следующем: основной риск они видят в том, что региональные власти будут участвовать в разделе лесной собственности, и, как результат, возникнут региональные монополисты в лесной отрасли.

Занимающие нейтральную позицию

К этой группе относится одна категория экспертов – представители крупнейшего в регионе промышленного предприятия «Илим-Палп». Это единственная корпорация, обозначившая свою позицию по этому вопросу. Ее представители в СМИ говорят о том, что невозможно создать ЛК, который бы удовлетворял интересам всех в равной степени. Руководство «Илим-Палп» единственное, кто заявляет в прессе о необходимости при разработке ЛК учитывать мнения экологов, поскольку общемировая тенденция экологизации производства должна найти свое место в новом кодексе. Эксперты

из «Илим-Паль», со своей стороны, поддерживают идею частной собственности на лес и идею создания концессий, которые, по их мнению, дадут возможность освоения нетронутых лесных массивов.

Стратегии конструирования проблемы вокруг Лесного кодекса

Представители регионов используют различные стратегии для того, чтобы убедить читателя в том, что происходящие в лесной сфере нововведения, которые связывают, прежде всего, с принятием нового ЛК, следует рассматривать как проблему.

Две отправные точки дискуссии: 1) постулат о том, что лес принадлежит регионам и 2) постулат о том, что регионам противостоит федеральный «центр», который хочет лишить сибиряков этого леса. Для подтверждения первого тезиса в публикациях, отстаивающих региональные интересы, встречаются такие высказывания о лесе:

- *«главное богатство сибирских регионов»¹⁸,*
- *«наш зеленый друг, брат и кормилец»¹⁹,*
- *«все, что составляет основу экологической среды в Прибайкалье и одновременно является источником для развития ее производственных сил»²⁰,*
- *«наш самый главный и самый перспективный природный ресурс – это живой лес»²¹,*
- *«лес – среда обитания сибиряков»²² и т.д.*

Противостояние регионов и центра, очевидно, является лейтмотивом подавляющего числа публикаций, в которых представлена как позиция регионов, так и представителей федеральных властей. О том, насколько сильно это противостояние, говорят сами заголовки: *«Лесной кодекс: регионы говорят «НЕТ»²³*, *«Черная дыра нового кодекса»²⁴*, *«Лес делят – у ре-*

¹⁸ Восточно-Сибирская правда, № 12, 2005.

¹⁹ Восточно-Сибирская правда, № 74, 2005.

²⁰ Восточно-Сибирская правда, № 58, 2005.

²¹ Восточно-Сибирская правда, № 74, 2005.

²² Восточно-Сибирская правда, № 13-14, 2005.

²³ Байкальские Вести, № 12, 2005.

²⁴ Восточно-Сибирская правда, № 104, 2004.

заонов чубы трещат?»²⁵, «Законы не пахнут?»²⁶, «Москва бьет с носка»²⁷, «Защитить интересы сибиряков»²⁸, «Кто хозяин? Региональные законодатели не хотят терять право распоряжаться лесными богатствами»²⁹, «Регионы отвергли Лесной кодекс. Учтут ли их мнение? «Сверху» не слышно»³⁰ и т.д.

Мы полагаем, что каждая из используемых в текстах формулировок является не просто красивым риторическим ходом, призванным воздействовать на воображение читателя, но и ходом в дискурсивной борьбе. Каждая из таких формулировок помещает предмет обсуждения в определенный контекст, с которым связана специфическая логика действия. Например, контекст «условия выживания местного населения» (заданный такими формулировками, как «кормилец», «среда обитания») отличается от контекста «экономические ресурсы» («богатство, источник развития») и т.д. Эти формулировки отсылают нас к различным действиям, которые определенные социальные группы могут осуществлять в отношении леса или друг друга. Опишем некоторые из этих стратегий конструирования социальной проблемы.

Одна из типичных для процесса конструирования социальной проблемы стратегий – манипуляция «большими числами»: «В игре в социальные проблемы действует закон больших чисел: чем больше число жертв, порождаемых тем или иным условием, тем вероятнее, что аудитория будет оценивать данное условие как социальную проблему»³¹. В статьях о лесных отношениях можно обнаружить признаки этой стратегии:

²⁵ Аргументы и факты в Восточной Сибири, № 14, 2004.

²⁶ Байкальские Вести, № 10, 2005.

²⁷ Восточно-Сибирская правда, № 78, 2005.

²⁸ Восточно-Сибирская правда, № 12, 2005.

²⁹ Восточно-Сибирская правда, № 55-56, 2005.

³⁰ Аргументы и факты в Восточной Сибири, № 14, 2005.

³¹ Loseke D.R., *Thinking About Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives*. N.Y., 1999, p. 81-93. Цит. по: Ясавцев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004, с. 66.

Конструирование проблем как средство борьбы за власть

- *«каждый третий [житель Иркутской области – Т.Г.] так или иначе связан с лесным бизнесом»³²,*
- *«для большинства жителей Иркутской области – это основа жизнедеятельности»³³,*
- *«при всей значимости для настоящего и будущего Приангарья взаимоотношений с Федеральным центром есть вопросы, которые беспокоят практически каждого жителя области»³⁴.*

Другая стратегия состоит в увязывании необходимости сохранения нынешних отношений в сфере лесопользования (характеризующихся доминированием региональных органов власти) с традицией; различными способами декларируется некая «исконность» притязаний регионов на исключительные права в сфере лесоотношений. Ситуация зависимости жителей области от состояния лесной сферы в этих материалах нормализуется: «*область испокон веку жила за счет лесной отрасли*»³⁵. Историческая аргументация в данном случае используется для обоснования существующего порядка вещей, утверждения о том, что он естественен и не подлежит изменению. Таким образом, федеральные притязания на влияние представляются как намерение лишить местных жителей неких изначальных, всегда им присущих, жизненно важных прав: «Мы обеспокоены тем, что право распоряжаться лесным богатством Сибири передается федеральному центру»³⁶. То, что в других цитатах читается между строк, в данном случае звучит достаточно эксплицитно: «право распоряжаться лесным богатством Сибири» рассматривается здесь как неотъемлемая часть прав регионов, которая, вопреки традиции, передается центру.

Еще одна стратегия, это так называемый «катастрофический дискурс»: происходит конструирование «страшных» последствий изменения ЛК, представление проблемы как катастрофы³⁷: «Если кодекс примут,

³² Аргументы и факты в Восточной Сибири, № 14, 2005.

³³ Восточно-Сибирская правда, № 55-56, 2005.

³⁴ Восточно-Сибирская правда, № 78, 2005.

³⁵ Байкальские Вести, № 12, 2005.

³⁶ Восточно-Сибирская правда, № 13-14, 2005.

³⁷ Loseke D.R., Thinking About Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives. N.Y., 1999, p. 81-93. Цит. по: Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004, с. 67.

2/3 территории страны могут оказаться в собственности иностранцев и вход на нее для граждан России будет закрыт»³⁸.

Также используется логика законности, имплицитно присутствующая везде, где речь заходит о правах, но порой приобретающая отчетливость. Так, по мнению выразителей региональных интересов, новый Лесной кодекс противоречит Конституции: «У субъектов Федерации отнимаются все права по управлению лесными ресурсами [...] Расходные функции возлагаются на регионы, доходные передаются федеральному центру. Регионы, в частности, несут ответственность за тушение пожаров, а все налоги уходят в центр. В связи с ущемлением прав регионов Московская ГД намерена подать в Конституционный суд»³⁹. Специалисты комитета по лесному хозяйству и лесоперерабатывающей промышленности администрации Иркутской области, созданного по инициативе губернатора, прямо называют его «антисоциальным и антиконституционным»⁴⁰.

Возникает также понятие *контроля*, предположительно, высоко ценимое представителями государственной власти любого уровня. В риторике региональных экспертов возникает обеспокоенность по поводу невозможности качественного контроля лесных отношений в регионах из Центра, что предусматривает новый ЛК. Вот примеры таких высказываний: «Многие вопросы, касающиеся лесного хозяйства, трудно решать из Москвы, тем более что некоторые задачи требуют оперативных решений, что в случае только федерального контроля над лесом практически невозможно»⁴¹; «государство должно все это контролировать не из Москвы; многие вопросы, касающиеся леса, должны решаться самими субъектами РФ»⁴². Таким образом, эксперты, претендующие на то, чтобы представлять интересы области, обозначают следующую проблему: государство отнимает у регионов те функции, которые само оно не в состоянии выполнять качественно на федеральном уровне, в результате ситуация в сфере лесных отношений только ухудшится. Использование болезненной и важной для любой власти темы контроля дает возможность заинтересованной группе проде-

³⁸ Байкальские Вести, № 10, 2005.

³⁹ Восточно-Сибирская правда, № 46-47, 2005.

⁴⁰ Восточно-Сибирская правда, № 78, 2005.

⁴¹ Восточно-Сибирская правда, № 68, 2005.

⁴² Там же.

монстрировать, что именно ей «по силам решить проблему»⁴³. Эта стратегия хорошо просматривается на примере публикаций, касающихся проблемы нелегальных рубок и борьбы с ними.

***Лесная милиция или спутники?
Борьба с «черными лесорубами» и борьба за власть***

В 2004 году лидером рейтинга статей о лесе стали тексты, посвященные проблеме борьбы с так называемыми «черными лесорубами». Первое, что привлекает внимание в этих текстах – цифры. Причем поначалу возникает ощущение, что ни у авторов статей, ни у привлекаемых ими экспертов не было четких представлений о том, в каких единицах считать незаконно вырубленный лес: его считали в кубах, миллионах рублей, деревьях, преступлениях, уголовных делах, гектарах тайги, кубометрах деловой древесины, задержаниях, браконьерах, «черных лесорубах», отобранных лесобилетах, объектах, сотрудниках, оперативниках, протоколах, автомобилях, вагонах и т.д. В действительности, за таким разнообразием может стоять известный феномен «магии цифр», который действует на читателя создавая иллюзию «документальности», «правдоподобия». Не стоит сбрасывать со счетов и выше упомянутый закон больших чисел: использование разнообразных единиц измерения, возможно, преследовало цель произвести впечатление размаха описываемого явления, с которым регион намеревался бороться.

Нет ничего удивительного в том, что дискуссия в региональной прессе развернулась вокруг вопроса о том, кто и как может контролировать рубки и в чьей компетенции должен находиться этот контроль. В конечном счете обсуждение проблемы незаконных рубок и контроль над ними напрямую связаны с вопросам распределения власти. Особенностью описываемой здесь дискуссии стала тема лесной милиции.

Это новое структурное подразделение ГУВД, которое было создано областной администрацией в конце 2003 года, в то время, когда работа над новым Лесным кодексом только начиналась⁴⁴. Региональные власти пози-

⁴³ См. об этом: Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. С. 71.

⁴⁴ Отдел по предупреждению и пресечению преступлений в лесопромышленном комплексе ГУВД Иркутской области (лесная милиция) был создан постановлением

ционировали это новое подразделение с момента его создания как реальную силу, способную противостоять незаконным рубкам. В таком качестве она представлена в статьях, где экспертами выступают представители организаций, сотрудничающих с лесной милицией: областной администрации (создатель лесной милиции), ГУВД (частью которого является лесная милиция) или Службы безопасности Усть-Илимского лесоперерабатывающего комбината (СБ УИЛПК).

С самого своего возникновения лесная милиция попала в странную ситуацию: из анализа прессы явствует, что на нее возлагались большие надежды, но, одновременно, всем была очевидна скудость ресурсов, находящихся в распоряжении новой службы. Так, сотрудничество лесной милиции со службами безопасности крупных корпораций можно назвать взаимовыгодным, но нельзя назвать равноценным: например, на 30 сотрудников СБ УИЛПК приходится 3 сотрудника лесной милиции, СБ УИЛПК работает 7 лет, лесная милиция – один год, у СБ УИЛПК имеется информационная база, которой теперь может пользоваться лесная милиция. И в то же время возникает ощущение, что лесная милиция «выше» по статусу: их присутствие при поимках самовольщиков позволяет достигать «законченности» процесса, т.е. доводить его до стадии уголовного дела. Само название «лесная милиция» в большей степени, чем «служба безопасности», ассоциируется с законом.

Создание лесной милиции с самого начала сопровождалось заявлениями в прессе о грядущих трудностях, среди которых – нехватка сотрудников, средств и техники, то есть недостаточное ресурсное обеспечение подразделения. Региональная власть заранее оговаривала причины возможной «неуспешности» дополнительной контролирующей структуры. Возникает впечатление, что создатели лесной милиции подготавливают читателя к заведомым неудачам в ее работе, находя им массу объяснений и оправданий. Тем не менее большое количество публикаций уделено значимости и потенциалу этой вновь созданной структуры в борьбе с нелегальными рубками (масштабы которых, как мы говорили выше, рисовались в текстах региональной прессы угрожающими).

губернатора. Цели подразделения – снижение количества правонарушений и увеличение процента раскрываемости преступлений в лесной отрасли, а также доходной части бюджета Иркутской области. Более подробно о лесной милиции можно прочитать: Экологический журнал «Волна», № 2-3 (39-40), 2004, Иркутск.

Такая ситуация позволяет предположить, что создание лесной милиции следует рассматривать как заявку областной администрации на владение ситуацией, на инициативность, на то, что область – рачительный хозяин, способный самостоятельно контролировать свою территорию. Учреждение этой службы, эффективная работа которой на практике с самого начала вызывала сомнения даже у самих ее создателей, следует, вероятно, рассматривать не столько как практический шаг в борьбе с «черными лесорубами», сколько как дискурсивный маневр. Это – попытка региональной власти, в ее борьбе за распределение властного ресурса, заявить о себе, как серьезном игроке, способном «контролировать ситуацию», решить свои проблемы самостоятельно, с которым, следовательно, стоит считаться.

Чем же ответили на это представители федеральных структур? Они в свою очередь заявили в прессе о том, что вполне могут контролировать ситуацию в лесу, и сообщают в СМИ о своих возможностях в этой сфере. Одним из способов такого контроля объявляется «космический мониторинг». Основным его плюсом называют «полное исключение человеческого фактора» – когда полученная посредством космического мониторинга информация «абсолютно объективна, не искажена чьим-то субъективным мнением, вкусом, политическими пристрастиями, личными или корпоративными экономическими интересами»⁴⁵. Уже в этом заявлении содержится мощный потенциал для дальнейших дискурсивных баталий: здесь очевиден намек на то, что региональная власть небеспристрастна, что она обременена «политическими пристрастиями» и имеет свои собственные (читай – противоречащие государственным интересам, которые, разумеется, представляет федеральная власть) «личные и корпоративные интересы».

Ответный шаг региональных властей состоял в утверждении, что «космический мониторинг» не всегда позволяет оперативно отслеживать изменения в состоянии лесосеки. Это происходит из-за того, что информация от лесхозов поступает «не всегда своевременно», поэтому «на выяснение сумм ущерба от незаконной заготовки древесины требуется более трех месяцев»⁴⁶. То есть регионы постулируют техническое несовершенство и неэффективность контрольных механизмов, предлагаемых центром, что автоматически должно означать необходимость оставить контрольные функции за регионами. В ответ руководитель территориального агентства

⁴⁵ Восточно-Сибирская правда, № 74, 2005.

⁴⁶ Коммерсант, № 32, 2005.

лесного хозяйства по Иркутской области заявил, что его ведомство намерено (в качестве следующего шага) «составить электронную карту лесного фонда региона, а также провести Интернет-связь между лесхозами области». Иными словами, незначительные технические сложности, препятствующие эффективному контролю за нелегальными рубками из центра, вскоре будут устранены и потому не должны служить основанием для приостановки процесса передачи контрольных функций (а значит – и власти) в пользу федеральных органов.

Оставим в стороне практическую сторону вопроса – как показала история с лесной милицией, игроки, играющие на дискурсивном поле, мало внимания уделяют практическому внедрению своих угроз и инициатив. Наша точка зрения состоит в том, что лесная милиция, равно как и спутники, и Интернет-связь в сибирской тайге – только повод и инструмент в борьбе за власть между регионами и федеральным центром; это пешки и ходы в дискурсивной игре, цель которой – передел власти в свою пользу. Еще один раунд этой борьбы развернулся вокруг ситуации с лесными пожарами.

Лесные пожары: следствие «детских шалостей» или «происки Китая»?

В начале 2005 года представители Иркутской области, декларировавшие свои желания и возможности «за что-то отвечать в своем лесу» через СМИ и посредством аналитических записок правительству РФ, добились права тушить лесные пожары⁴⁷. При этом было решено, что выплаты субвенций регионам за тушение лесных пожаров будут проводиться Федерацией после того, как пожары потушены.

На этом примере можно наблюдать, как изменение ситуации с финансированием тушения лесных пожаров выводит социальную проблему на новый виток: экономическая подоплека вопроса вызывает всплеск публикаций о лесных пожарах. Меняется (по сравнению, скажем, с прошлым годом) как объем, так и содержание статей о лесных пожарах. Если в 2004 году о пожарах писали в стиле сухой констатации фактов (столько-то горит, столько-

⁴⁷ Поправка в действующий Лесной кодекс, в соответствии с которой тушением лесных пожаров за счет субвенций из федерального бюджета занимаются органы государственной власти субъектов Российской Федерации, вступила в силу 1 января 2005 года.

ко-то сгорело, столько-то погасили), а самые интересные статьи о лесных пожарах были озаглавлены, например, так «Человек поборол огонь», то в 2005 году статьи становятся более объемными и приобретают ярко выраженный «аналитический» оттенок. В материалах стали подробно разбираться и анализироваться причины пожаров в лесу (а следовательно – и размеры субвенций). Здесь мы опять можем наблюдать, как по-разному видятся эти причины «из Москвы» и «на местах».

Мы уже говорили о непростых отношениях дискурсивных стратегий борьбы за власть с «объективной реальностью»; пример с обсуждением лесных пожаров – еще одна тому иллюстрация. Оказывается, даже такой, казалось бы, «объективный» факт, как количество лесных пожаров, по-разному представляется с региональной и федеральной позиций. Представители области пишут о том, как много леса горит в этом году, следующим образом: *«С начала нынешнего пожароопасного сезона на территории области зарегистрировано уже 88 лесных пожаров, и еще 35 – на территории Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. Суммарная площадь лесов в наших субъектах Федерации, поврежденных огнем, превысила 1000 гектаров. А в прошлом году к этой дате числилось лишь по одному небольшому пожару в области и округе»*⁴⁸; *«триста сорок лесных пожаров уже было зафиксировано этой весной на территории области. Огнем уничтожено более трех тысяч гектаров. Это в три раза больше, чем за аналогичный период прошлого года»*⁴⁹, *«Год нынешний обещает быть гораздо более пожароопасным, чем прошлый: уже сгорело почти половина всей прошлогодней «нормы»*⁵⁰. Эти материалы появились в прессе в тот момент, когда лесные пожары уже начались, но ни размеры субвенций, ни механизм распределения средств еще не определены. Таким образом, задача регионов, еще не знающих о том, какая судьба их постигнет в скором времени, состояла в том, чтобы взять краски погуще и нарисовать картину лесных пожаров в области почернее в надежде на то, что это приведет к увеличению финансирования, поступающего из центра в регионы для борьбы с лесными пожарами.

Совсем иначе видится ситуация с пожарами из федерального центра, где уже приняли решение о том, что финансировать деятельность по

⁴⁸ Восточно-Сибирская правда, № 95-96, 2005.

⁴⁹ Аргументы и факты в Восточной Сибири, № 21, 2005.

⁵⁰ Аргументы и факты в Восточной Сибири, № 22, 2005.

тушению пожаров регионы должны сами, а их затраты будут компенсированы позже: «В Сибири в нынешнем году будет значительно меньше лесных пожаров, чем в прошлые годы, за счет усиленного контроля за лесозаготовителями»⁵¹, – полагают представители федеральной власти. Таким образом, оказывается, что количество пожаров – величина относительная – зависит от того, кто эти пожары тушит, кем это финансируется и в каком режиме. Не менее сложная ситуация возникает с вопросом о причинах пожаров.

Местные власти описывают ситуацию так: их не просто вынудили иметь дело с лесными пожарами, не обеспечив предварительно ресурсами, но фактически бросили один на один с разбушевавшейся стихией. Так лесные пожары превращаются из проблемы (которой судя по количеству публикаций в прессе практически не существовало в предыдущем году) в катастрофу: «Скупая на снег зима, поваленные прошлогодним ураганом деревья, которые так и не удалось убрать, высокая и густая трава, вымахавшая прошлым дождливым летом, ожидаемая жаркая весна – все это превратит лесные деляны в пороховые бочки»⁵². Причин для возникновения невиданных по своему размаху пожаров, как мы видим, предостаточно. Любопытно, что иногда называются взаимоисключающие причины, например: «По данным анализа причин возгораний, в 80% лесных пожаров виновно население. Причем больше всего пожаров происходит из-за детских шалостей», и в то же время: «Большие пожары происходят в основном в малодоступных непродуктивных зонах, а также на территориях, закрепленных за малыми народностями». И хотя «детские шалости» плохо сочетаются с «малодоступными зонами», но, в принципе, по отдельности могут сойти за вполне правдоподобные причины лесных пожаров; а логика здесь такая: чем больше причин, чем очевиднее опасность, чем страшнее ситуация, тем лучше, тем более несчастными выглядят брошенные центром на произвол судьбы регионы, тем обоснованнее будут выглядеть цифры, предоставленные в федеральный центр для получения субвенций за тушение пожаров.⁵³

⁵¹ Аргументы и факты в Восточной Сибири, № 19, 2005.

⁵² Аргументы и факты в Восточной Сибири, № 6, 2005.

⁵³ Коренные народы здесь возникают, скорее всего, как попытка увязать новую проблему, которая находится в процессе формулирования, со старой, давно известной и всем очевидной (такова «проблема коренных народностей» в Сибири и на Севере России). То есть описываемая ситуация таким образом помещается в проблематичный контекст, и тем самым сама начинает восприниматься как проблематичная.

Итак, представители регионов, называя основными причинами лесных пожаров специфику природных условий («высокая горимость лесов Приангарья») и безалаберность местного населения, просят больше денег «на борьбу» с пожарами. В то же время представители федеральных структур называют в СМИ иные причины пожаров: «человеческий фактор» здесь тоже присутствует, но не в контексте «халатности», а в контексте «умысла». Полномочный представитель президента РФ в Сибирском федеральном округе объясняет причины лесных пожаров так: «Я, как ротвейлер, смотрю за лесными пожарами, выясняю, на каком они удалении от дороги. /.../ Лесные пожары возникают в основном в Читинской области и в Бурятии, потому что там близко Китай, причем максимум в одном-двух километрах от дороги. /.../ Почему не горит в Томской области, хотя там такая же тайга? Потому, что Китай далеко»⁵⁴. Что означает эта фраза, полная метафор и многозначительных намеков? Например, то, что основная причина пожаров и меры борьбы с ними не относятся к компетенции регионов, а лежат в плоскости государственной внешней политики. Из этого следует, в частности, что бессмысленно финансировать регионы, которые все равно не способны самостоятельно решить эту проблему, настоящим источником которой является, как следует из цитаты, близость Китая. Так что проблему лесных пожаров должно брать на себя государство, причем на самом высоком уровне, а регионы должны заниматься своим делом: «Что касается нехватки средств [на тушение пожаров – Т.Г.], регионы должны сами позаботиться о пересмотре бюджета и поиске в нем средств. В конце концов, в этот самый региональный бюджет идет, к примеру, разница между минимальной ставкой на лес на корню и реальной, которая применяется в регионе»⁵⁵. При этом в пример нерадивым регионам ставятся их успешные соседи: «И соседи, те же Красноярск и Хабаровск, кладут в региональный карман с этой разницы гораздо больше Приангарья, хотя леса заготавливают меньше. С этой разницы, заявил зам.руководителя ФАЛХ, можно и леса тушить, и заповедники с сельхозземлями содержать»⁵⁶.

Дискуссия по поводу лесных пожаров и их тушения, на наш взгляд, представляет собой один из интересных примеров, иллюстрирующих механизмы борьбы за власть между региональными и федеральными чиновни-

⁵⁴ Аргументы и факты в Восточной Сибири, № 19, 2005.

⁵⁵ Аргументы и факты в Восточной Сибири, № 6, 2005.

⁵⁶ Там же.

ками, которая разворачивается, в том числе на дискурсивном уровне – на страницах газет.

В данной статье мы, используя некоторые средства дискурсивного анализа, попытались продемонстрировать, как общая для последнего времени тенденция законодательного регулирования – постепенное перераспределение полномочия между центром и регионами в пользу центра – вызывает неприятие, а затем и противодействие полигической элиты регионов. Мы также попытались показать, какие формы принимает это противостояние на дискурсивном уровне. Региональная пресса в этом случае становится полем борьбы за власть, призом в которой является формальное и законодательно закрепленное право распоряжаться лесным ресурсом. Средствами в этой борьбе становятся, прежде всего, сами СМИ, а также возможность формулировать на страницах прессы социальные проблемы и демонстрировать способности одной из сторон контролировать проблематичную ситуацию, обвинения в неэффективности методов контроля за проблемной ситуацией, которые может предложить конкурирующая в борьбе за властный ресурс группа, и др. В данной статье мы проанализировали лишь некоторые из этих средств.

К сожалению, приходится констатировать, что в ситуации, когда полномочия по распределению лесных ресурсов становятся значимым элементом как экономической, так и символической власти, за рамками дискуссии, а точнее, дискурсивной борьбы за власть, остаются более слабые участники. Мнения и интересы местных жителей, представителей малого и среднего бизнеса, экологов и НКО в этой дискуссии практически не представлены.